

К старухе Широковой на лето приехал внук Павел. С нетерпением ждала гостя Валентина Николаевна. Часто звонила сыну в Новосибирск, упрашивала Анатолия привезти Павлика хотя бы на недельку. Незаметно вырос внук. Не успела баба Валя оглянуться, как маленький, щуплый мальчишка превратился в пятнадцатилетнего юношу – невысокого, но плечистого и коренастого парня.

Любопытные соседки, как вороны, выглядывали из окон, когда к дому Валентины Николаевны подъехала серебристая машина. Недавно купленный «Nissan Patrol». Темноволосый, симпатичный внук подошёл к невысокой, полненькой Валентине Николаевне и крепко обнял её за плечи.

Старушка жила одна десять лет, с тех пор, как муж утонул на озере Хорошем во время рыбалки. Не любила Валентина Николаевна одиночество, поэтому нечастые приезды родных для неё были настоящим праздником.

– Мои хорошие! – радостно кружила она по комнате, торопливо собирая на стол. – Был бы у меня этот ваш... «сотик» или, как

его, «мотик», давно обед стоял бы на столе! Позвонила бы, узнала: подъезжаете или нет...

– Не переживай, мама, – разглядывая альбом с чёрно-белыми снимками, говорил сын. Павлик почти ничего не ел, копался в тарелке. Старуха обиженно приметила:

– Не такая полезная еда, как в городе?

– Ну что ты, мама! Не голоден парень, – улыбнулся Анатолий. – Лучше скажи, не правда ли, я похож больше на тебя, чем на бату?

Сын поглядывал на старую фотографию. Молодой Григорий Степанович в строгом костюме и Валентина Николаевна с крупными бусами на красивой тонкой шее всегда вызывали у сына необъяснимый интерес и трепет. Вспоминалось далёкое, безвозвратно ушедшее время. Маленький Толя с мамой и папой впервые поехали на выходные в город. Манили любопытного мальчишку широкие асфальтированные улицы и проспекты, большие каменные и кирпичные дома, машины и люди. Много слышал Толя рассказов о Новосибирске, каждый

деревенский старик любил вспоминать о передрягах, случившихся там. Один ездил за деталью для трактора, потерял все деньги и приехал ни с чем. Второй рассказывал, как стал обходить лужу и в толпе потерял жену, будто ребенок, выпустивший из рук надувной шарик. Заявил в милицию, наделал шуму, а она его ждала на автостанции.

Несмотря на рассказы стариков, Толя мечтал о городе. Потом, когда вырос, отучился в медицинском институте, вернулся в Аксёниху (правда, ненадолго) и переехал окончательно в Новосибирск. Звала его родная деревня, долго снилась беззаботная пора жизни, печной дым, поднимающийся над крышами домов, сугробы и почему-то олады, приготовленные мамой. С годами всё меньше тянуло на малую родину, всё глуше билось сердце, когда Толя подъезжал к Аксёнихе. Правда, в последнее время снова что-то тёплое, как русская печка, стало греть душу Широкова: то ли воспоминания о детстве, то ли любовь к состарившейся матери, то ли нелепая смерть отца...

– Ну, чего задумался? – с обидой в голосе, спросила Валентина Николаевна у Анатолия. – Тоже думаешь, что еда бесполезная?

– Ничего я не думаю, – поставился уйти от неприятного разговора сын.

Понимал Толя, о чём говорила семидесятивосьмилетняя мать. Дело было в жене Широкова. Немного высокомерная, городская Инга недолюбливала свою свекровь, не принимала её деревенского характера, а жителей Аксёнихи считала кем-то вроде обитателей тундры.

Сколько ни пыталась Валентина Николаевна сблизиться со снохой – толку не было. С полными сумками гостинцев из деревни она приезжала в Новосибирск, к родным, а Инга демонстративно оставляла Анатолия с матерью и уходила из дома. У неё появлялись неожиданные дела.

Натянутые отношения между свекровью и снохой установились давно, почти сразу после свадьбы Инги и Толи. Пару месяцев молодая пара жила в деревне. Девушка не переносила поучений свекрови, считала, что Валентина Николаевна вмешивается в семью сына и разрушает отношения. Когда Толю приняли в НИИ гигиены, молодые уехали в город, и все успокоились. Анатолий стал научным сотрудником у себя в НИИ, доцентом, шёл уверенно вверх, готовил диссертацию. Когда родился сын, Анатолий приезжал с женой и ребёнком в деревню, на выходные, погостить. Валентина Николаевна часто звонила в город, поздравляла родственников с праздниками.

После смерти супруга Валентина Николаевна немного замкнулась, стала ревностно относиться к сыну, переживала за него: как он питается, тепло ли одет. Тогда-то и началась вся эта чертовщина между матерью и снохой. Самолюбивая Инга (или, как её называл муж, Ингрид) по совету экзальтированных подружек накупила специальной литературы, сидела часами в интернете: всё читала о питании. Из рациона в семье Широковых быстро испарилось всё мучное, жареное, пареное, варёное и копчёное. Остались лишь одни салаты, зелень да творожки, активно рекламируемые на каждом канале, на каждом сайте. Все Широковы должны были презрительно

смотреть в сторону мяса, булочек, конфет и белого хлеба, а людей, покупающих такие «неполезные» продукты, стараться снисходительно не замечать в магазинах. Толя поначалу ругался с женой, но вскоре почувствовал небывалую разгрузку для кошелька и уже ничего не мог поделывать. Теперь он часто употреблял такие слова, как «ГМО», «холестерин» и «шлаки».

Но окончательно разрушило отношения между родными людьми другое. Павлику тогда было лет одиннадцать. Папа привёз из Аксёнихи гостинцы: свежие беляши и домашнее солёное сало. Мальчик заметил, что мама положила все гостинцы в один большой мусорный пакет и поставила его возле входной двери. Павлик очень расстроился, пытался посвятить в это вечно занятого папу, но передумал. Через месяц, когда после большого скандала между папой и мамой Павел всё-таки приехал к бабушке, он осторожно рассказал Валентине Николаевне о ситуации в семье. О том, что мама не хочет пускать мальчика к бабушке, в эту «антисанитарию», как она говорит, и о том, куда все бабушкины гостинцы отправляются прямым с дороги. У Валентины Николаевны было в тот день плохо с сердцем. Переволновалась старушка, горько плакала и жалела сына с внуком: «Вот какая мать досталась Павлику! В деревню, к родной бабушке ехать нельзя! Беляши есть – не смей! Сало – в мусорку! Безобразие! Анатолию мясо нужно, мужик всё-таки, а она его салатами из морковки кормит! Кролик он, что ли?! У Павла одни кости, и сама – дура душой – нажрётся своей цветной капустой и начинает бредить: питание не по ней...»

Чувство обиды жгло душу Валентины Николаевны. Толя ничего не понимал, но было осознание, что мама с Ингой враждуют, между ними стена. «Ничего изменить нельзя – вот что самое страшное», – с грустью думал Анатолий. Успокаивал он себя лишь одной мыслью, занимаясь самообманом: «Разве у людей иначе? Всё то же самое, одна и та же катавасия».

– Как там поживает Инга? – неожиданно спросила мать, убирая посуду со стола. Похоже, Валентина Николаевна сама испугалась своего вопроса: руки дрогнули так, что из тарелки выпала вилка. Толя обомлел: впервые за пять лет мама спросила о жене.

– Ни-че-го, – отрывисто, с запинкой заговорил Анатолий, поперхнувшись конфетой. – Устроилась ко мне в НИИ, в лабораторию...

– Да-а! – удивлённо протянула мама. – Какая молодец! Ты помог?

Анатолий не понял: издевается мать или действительно рада успехам снохи. Помнил Толя, как Валентина Николаевна сокрушалась, почему Инга нигде не работает, окончила вместе с Анатолием медицинский и сидит дома почти двадцать лет!

– Милый мой сыночек... – слёзы Валентины Николаевны покатились по морщинистому лицу. Старуха подошла к сидящему в кресле сыну и начала гладить его тёмные волосы. Валентина Николаевна вела себя необычно. Раньше она была всегда сдержанна, даже обнимала сына, слегка похлопывая по спине, осторожно, словно не желая казаться назойливой.

– Тебе сорок три года, а ума не нажил! Учёным стал, на работе Анатолием Григоричем называют,

машину огромную купил. Не машина, а трактор, квартира большая, зарабатываешь... – глядя со вниманием и любовью, проговорила мать.

– Почему ума не нажил?

– Разве для чужой женщины я тебя рожала? – не слышала мать вопрос сына.

– Завела шарманку! – рассердился Толя.

Внук тем временем слышал беседу папы и бабы Вали, но не очень интересовался этим скучным разговором, где было полно разных недомолвок.

– Пойду, погуляю, – нехотя сказал Павел, выходя из комнаты.

– Иди, Павлуша, – ответила старушка, провожая внука добрым взглядом.

Павел знал, что мама против его поездок в деревню. Мальчик не мог понять всех премудростей взаимоотношений между тремя родными людьми: мамой, папой и бабой Валею. Ему казалось, что они осложняют свою жизнь ненужной игрой, какими-то пустыми принципами, страдают от этого, но ничего не меняют. В этой игре больше всего достаётся папе. Видно, как ему тяжело, как у него слезятся глаза, как он ходит подавленный. И только мама, как всегда, убеждена в своей правоте. Мама чётко знает, что Павлику нечего делать в Аксёнихе, среди деревенских вшей и клопов.

Мальчик и сам не горел желанием ехать в эту глухомань, где не ловит интернет, где мобильная связь почти не работает, а из благ цивилизации – лишь телевизор. (Было когда-то радио, но провода давно сняли). Сверстников в деревне почти нет, да и в городе Павел почти ни с кем не дружит. Единственное, ради чего ехал

юноша в деревню, – скрашивать бабушкино одиночество. Ещё Павла интересовал дедовский шкаф, не шкаф, а настоящая сокровищница! В специальных лотках, по ячейкам, были разложены резисторы и конденсаторы. Внук набирал нужные детали, чтобы дома, в городе, спаять схему для какого-нибудь старого усилителя музыки. Валентина Николаевна не разрешала увозить детали помногу, да и Павлик не имел наглости – взять всё сразу: платы и микросхемы.

Последние дни мая выдались на редкость холодными, даже по сибирским меркам. Целыми днями моросил нудный, почти осенний дождь. Только лишь три дня назад утих пронизывающий северо-восточный ветер, небо разъяснилось. Первый по-настоящему тёплый летний день выдался лишь сегодня. Павел вышел за ворота.

«Дружище, помоги толкнуть!» – послышался нетвёрдый и картавящий голос. Из открытого настежь гаража высунулась голова парня лет семнадцати. Его хитроватый взгляд вызвал у Павла раздражение. Это был сосед бабы Вали. Не раз Павел играл с ним, но имени не помнил, да и было это уже давно, когда Широкову было лет семь-восемь.

В гараже, на стеллажах, валялся разный хлам: инструмент, детали. Под потолком, на проволоке, сушились берёзовые веники. Двое парней копошились возле мотоцикла «Урал».

– Аккумулятор? – спросил Павел, с интересом заглядывая через головы склонившихся ребят. Он прошёл по грязи и собирался очищать свои новые белые кроссовки.

– Не заводится, – коротко ответил ломающимся голосом парень.

– Смотрели всё? Свечи, контакты?

– Смотрели, – отозвался второй, видимо, помладше – курносый мальчишка лет тринадцати. – Может, карбюратор чего?

– Не думаю, – Павел резко, но тактично отодвинул ребят от старого зелёного «Урала», с вмятиной на баке и облезшей коляской. В каждом устройстве юношу интересовала электрическая часть.

– Снимите сиденье...

– Зачем снимать, Кулибин? – задиристо спросил хитрый.

Павла задело язвительное обращение паренька, но Широков остался спокоен.

– Нужно всё проверить, – деловито сказал Павел, не поднимая взгляда.

Ребята молча сняли сиденье. Провод от катушки зажигания оказался переломлен. Павел обратил внимание на замытие изоляции.

– Вот он, видишь? – Широков подозвал парня постарше. – Изоляцию сниму – провод «в обрыве»...

– Ну! Кулибин! – с восторгом проговорил курносый, всё время повторявший за старшим другом. Наверняка думал, что, подражая, выглядит старше.

Широков зачистил концы проводов и соединил их между собой. Курносый подал Павлу изоленту. «Урал» завёлся без труда. Парни поглядывали на своего нового знакомого с удивлением. Плутовать было немного высокомерно: презрительно смотрел на городскую одежду Павла. Дорогие спортивные штаны, зелёная фирменная футболка и новые белые кроссовки вызывали у парня зависть, что было заметно сразу.

– Ты приехал на дорогой тачке? – спросил старший, поглядывая на машину. Павел ничего не ответил.

– Меня зовут Вовчиком, – заvistливый протянул руку ладошкой вниз, как бы показывая своё превосходство над Павлом.

– Макс, – и второй парень дружелюбно вытянул правую руку вперед.

– А я Павлик, – просто ответил Широков и услышал смех ребят. Он сначала не понял причины.

– Ты Кулибин, а не Павлик...

– У него и дед был чудной, ремонтировал телевизоры в деревне, – ребята не переставали смеяться.

– Сами вы... Кулибины! – обиделся Павел. – Вы знаете, кто такой Кулибин?

– Знаем! – выкрикнул Вовчик.

– Кто?

– Павлик!

Не выдержав, Широков зашагал домой, перепрыгивая через лужи и грязь. Ребята догнали своего знакомого.

– Не обижайся, мы шутим, – наперебой заговорили парни, хлопывая его по плечу.

Широкову нравилось помогать людям. Впервые в жизни юноша почувствовал, что от его умения разбираться в электрических схемах зависит, будет ли работать техника, смогут ли его новые знакомые кататься на «Урале»...

– Ну что, прокатимся? Мотоцикл водить умеешь, Кулибин? – Вовчик задиристо глядел на Павлика. Старенький мотор мягко урчал, рука Вовчика властно, хозяйски лежала на руле.

– У папы машина... – разволновался Широков. От былой деловитости Павла ничего не осталось, взгляд был испуганным.

– Садись! – напористо проговорил Вовчик. – Поедем за деревню. Батя может увидеть, или соседи сдадут с потрохами...

За деревней раскинулось большое поле – не поле, а настоящая степь. Лишь редкие колки виднелись по берегам полусолёных озёр. На белёсой почве рос один лишь хвощ, который к середине лета становился бордовым, и казалось, что земля – красная. Впереди большого озера виднелось солёное – по-народному «Солёнка», а справа стояла деревня Фёдоровка – десяток жилых домов и руины вокруг. Покосившиеся остатки стен, разграбленные, брошенные избы, как после бомбардировки.

– Садиться будешь? – с непонятной усмешкой спросил Вовчик, указывая на мотоцикл, словно намекая: «Ну что, слабо городским?»

– Буду! – решил Павел в ответ на молчаливый вызов товарища. Не успел Широков сесть за руль, как Макс уже устраивался в люльке.

– Ты-то куда собрался? – сквозь негромкий говорок двигателя спросил Вова и поторопился занять место сзади Широкова.

Павлик не знал, как переключаются скорости. Ему не хотелось показаться невеждой перед хлыстом Вовчиком. Ударив со всей силы по рычагу переключения передач левой ногой, Широков отпустил ручку сцепления. «Урал» резко дёрнулся. Большой, неуклюжий руль резко вывернулся влево на кочке.

«Э-э-эй!» – только и услышал Павлик истошный крик сзади. Мотоцикл вылетел на ухабины. От сильной тряски первым упал Вовчик, следом вылетел Широков. Защитное стекло на люльке разлетелось вдребезги: Максим головой пробил его и сидел окровавленный, вцепившись руками за поручень.

«Уби-и-и-ли! – вдалеке послышался старушечий крик. – Расши-и-иблись! Ой-ё-ё! Чо ж делается-то!»

– Началось! – занервничал Вовчик. – Откуда Мирониха здесь?! Чёрт-т-това бабка!

– Валим! – крикнул Макс в шоке.

– Садись! – властно проговорил Вовчик, глядя на Павла, который рассматривал кровавую ссадину на локте. – Живо! Я же говорил, соседи сдадут... Батя теперь меня порвёт на части...

За огородами, по высокой траве шла Мирониха – первая на деревне склочница и сплетница. Она продолжала истошно голосить, пытаясь обратить на себя внимание.

– Куда вы? – не понимал Павел. Ребята сели на мотоцикл. – Какой смысл скрываться?

– Ты ветровое стекло найдёшь в Аксёнихе? – теперь кричал Вовчик, затравленно оглянувшись на Павла. – Без спроса взял мотоцикл – полбеды, а стекло мне не простят! Помятого бака хватило...

Широкову пришлось сесть сзади Вовчика. Юноша понимал, что стекло разбилось по его вине, из-за него порезался Макс.

– Я знаю, где есть похожее стекло, – Макс размазывал по лицу кровь грязной футболкой. Чуть выше лба виднелся большой порез.

– Перевязать надо! Давай помогу! – говорил Павел, снимая с себя лёгкую, хлопчатобумажную зелёную футболку. Мотоцикл дёрнул, Широков так и не перевязал голову Макса.

– Где стекло? – выезжая на дорогу, с недовольством проговорил Вовчик. – Куда едем?

– В Фёдоровку, – громко ответил Максим, – у Колывана есть ветровое, правда, от «Днепра»...

– Какая разница! – Вова был на взводе. – Надо ехать быстрее, пока Мирониха не растрезвонила на всю деревню! Кулибин, у тебя деньги есть?

– Нет, а зачем?

– Красавелла! – ехидно усмехнулся Вовчик. – Стекло мне разбил. Максу лицо поранил! Компенсация.

Не мог ответить Широков на обидное обращение. Ему казалось, что Вовчик его ударит, и тогда он расплачется, не сможет дать сдачи, над ним будет смеяться даже вечно заискивающий хлюпик Максим.

Путь в Фёдоровку оказался долгим. «Урал» вело вбок: в ложбинах, где проходила дорога, стояла грязь. Павел чувствовал, что у мотоцикла неполадки с аккумулятором: плавали обороты, «Урал» едва не глох.

От озера до Фёдоровки дорога вела в гору. Ближе к деревне прямопутек резко изгибался перед небольшой рощицей, стоящей посреди степи оазисом. Двигатель мотоцикла стал вовсе замирать и вскоре окончательно заглох. Не было слышно ни жаворонка, ни кузнечиков, степь была торжественно тиха.

– Приехали! – выругался Вовчик, нервно слезая с отцовского старенького «Урала».

– Связался с вами, сопляками! – психовал Вовчик, дёргаясь. – До Фёдоровки рукой подать – встали... Кулибин, а ты чего? Подскажи, что делать будем?

– Слушай, не называй меня так! – начал раздражаться Павлик.

– А как мне тебя называть? Угробил «Харли-Дэвидсон» и доволен... Гусь городской... – с надменным видом сказал Вова, пытаясь раздуть конфликт. – Павлик ты...

– Журавлик, – подхватил Макс, почувствовав безнаказанность.

Обида жгла душу. Сейчас бы уйти, уехать, чтобы никогда не видеть этих мерзавцев. Наверняка папа ещё в Аксёнихе. Поедет ближе к вечеру, когда спадёт жара. Если бы только можно было оказаться рядом с отцом, телепортироваться! Вот оно, истинное лицо людей: мелочных, жалких, угодливых! В чём-то права мама, когда нехотя отпускает Павла в деревню. Что здесь хорошего? Что?!

– Заигрался Павлушка, – садясь в машину, сказал Анатолий, – как вернётся, усади его поесть.

– Конечно, сынок, – успокаивала Валентина Николаевна. Быстро попрощавшись, мужчина мягко хлопнул дверью, автомобиль легко тронулся с места.

– Инге передай привет, – неуверенно и, как всегда, немного сдержанно проговорила мать. Валентина Николаевна решила сделать шаг навстречу снохе.

Анатолий не сразу понял слова матери. Ему сначала показалось, что Валентина Николаевна решила слегка уязвить сына, продолжив общение в старом ключе. Да, пусть не такую жену хотела мать для Анатолия, попроще, но это выбор сына... С ним нужно смириться! Не ожидал Анатолий, что мама в первый раз за долгое время передаст привет Инге. По дороге в Новосибирск, домой, Толя будет осмысливать те слова, неоднократно прокручивая их в голове, разбирая все до мелочей.

Как не хотел брать Анатолий соленье, настойчивая Валентина Николаевна всё-таки поставила в багажник три трёхлитровые банки с огурцами и баночку вишнёвого варенья.

Мать проводила взглядом машину и подумала: «Всё равно выбросит! Выедет на трассу возле Кайгородского и зашвырнёт мои гостинцы в кусты на повороте. Инга не допустит его с бесполезной едой. Не выкинет сын – выбросит банки его жена, ничего тут не попишешь!»

Только успела Валентина Николаевна попрощаться с сыном, как услышала истошные вопли Миронихи. Бежала она по улице и кричала: «Расшиблись ить! Ой, расши-и-иблись!»

– Что случилось? – спросила Валентина Николаевна.

– Ой-ё! Твой внучок-то... ой-ё!

– Что с Павлушей? – вскрикнула Валентина Николаевна.

– Подчистую разбились... на мостацikle в поле, за деревней!

В доме справа отворилась калитка. На улицу выбежала Ольга Семёнова, пятидесятилетняя соседка, и подхватила старуху Широкову. Валентина Николаевна начала медленно валиться с ног.

– Вы только не волнуйтесь! – сказала Ольга, обращаясь почтительно к человеку старше себя.

– Пашка твой да Вовка Скворцов... – причитала Мирониха, – перевернулись оне на мостацikle! Бошки, видать, повыворачивали! Потом подняли его...

– Кого подняли-то?! – говорила Ольга, едва удерживая грузную Широкову.

– Мостацикл, кого ещё, и драпать от меня!

– Погоди, они живы?!

– Да откуда я же знаю-то... оне, как кувыркнулися, сразу поставили мостацикл-то на колёсы, а хто там живой, хто нет – не знаю! Хто-то крикнул из их, и всё, и нету ребят!

Валентину Николаевну посадили на лавку, рядом с домом. Вынесли ей корвалол и валерьянку, накапали. Взгляд у старухи стал мутным.

– Плохо ить! – орала на всю улицу Мирониха.

– Не кричите вы! – пыталась усмирить Ольга свою вторую соседку (окна Ольги смотрели точно на дом Миронихи, которая любила подглядывать).

– Ничего, всё хорошо, – с одышкой проговорила Валентина Николаевна.

Когда старуха стала немного приходить в себя, её решили завести домой. К ним присоединился муж Ольги, Михаил Семёнов. Мирониха командовала: «Держи её крепше-то, крепше! Во... Куды ноги кладёте, ногами к выходу нельзя!»

– Скворцовым сообщили о горе-то? – спрашивала Мирониха, хватая за рукав Михаила. – Надо же... сказать...

– Какое горе! Надо выяснить сначала! – ругалась Ольга.

– Говорят ить, бошки посворачивали начисто, а она одно своё!

– Прежде чем разносить сплетни, надо узнать всё как следует!

– Ой-ё, бат-т-тюшки святы! Каки умные мы! Слов нахватаются и ходют, птицы важные!

– Нет, надо сразу бежать и трубить на всю деревню! Узнать надо...

– Знаю! – оправдывалась Мирониха. – Пьянёшеньки оне были, вот чё!

– Ой! – плакала Валентина Николаевна.

– Чё же таперича делать-то, как перед родителями ответ держать?! Ить убилися, начисто...

– Да замолчите вы, раскудахтались наперебой! – крикнул

Михаил Семёнов, которому изрядно надоело слушать верещание женщин. – Ехать надо!

Мирониха, крупная, здоровая восьмидесятилетняя старуха, очень любила разные сплетни. Каждую новость она обсуждала, добавляла что-нибудь своё, как добавляют перец при засолке сала, и готовый продукт выходил от неё неузнаваемым. То стадо коров сбил поезд, не успели их отогнать утром на котлован, то на току в молотилку упал какой-то мужик, а кто – не знает... Бегают потом вся деревня, кто мужа ищет на току, кто корову – на котловане... Пора перестать верить Миронихе, но люди не могут махнуть рукой и сказать: «Врёшь ты, старая!» Ведь говорят о мужьях, детях, родителях. Как не верить...

Жила Мирониха одна. Дети в городе, а муж оставил её давно – уехал в Барабинск, где поговаривают, его пырнули ножом в пьяной драке. От безделья Мирониха не страдала: завела подруг и начала вносить смуту и интриговать людей. Насмотрится по телевизору разных передач и носится, приговаривая: «Этот ить, как его, Басков-то, разводится ить, от чё! Простым людям чё делать-то, раз оне тако творят!»

Широкова вытирала слёзы. В теле ощущалась слабость, ныло сердце, болела голова, и в глазах всё плыло. Грудной голос Миронихи слышался эхом.

– Как «скорую» вызвать? – перепуганно спросила Ольга, видя, что старуха теряет сознание.

– Я пошто знаю, ноль три жа!

Семёнова побежала домой, посмотреть в записях.

На улице собрались люди: по деревне поползли слухи, что внук Широковой вместе со Скворцовым-младшим погиб, а Валентина Николаевна лежит при смерти.

– От! Беда подкрадётся и не посмотрит, что всё благополучно у людей. А мы завидовали: и дом хороший у них, и внук растёт – здоровый, крепкий парняга, и машины красивые Толька покупает, и профессор он в городе, и жена красавица...

– Да-а... От! А беда подкралась – открывай ворота!

Ольга вернулась быстро. За телефоном сидела Мирониха, пыталась вызвать райцентр.

– Девушка! Мне «скорую»!

– Наберите ноль три, – звонкий голос молодой телефонистки был спокоен и раздражал своей невозмутимостью. – Вы откуда звоните, вообще?

– Дак ить от Широковой Валентины!

– Где живёт Валентина?

– Дома, хде ишшо! У сея! – не понимала старуха.

– Понятно, что не у меня, бабушка! Местность, село назовите! – вышла из себя девушка.

– Дак ить это... деревня Аксёниха, Краснозёрского району...

– Бабушка, да вы что! Кто к вам поедет?! Везите свою Широкову Валентину сюда, в район.

– Как это?... – недоумевала старуха.

– Да вот так! У нас всего две машины: реанимационная и линейная-общепрофильная! Вторая стоит без бензина – лимит выработала!

– Дак и давайте нам лилейную, чё, мы не люди, што ль!

– Бензина нет! – едва не крикнула девушка.

– Тьфу! Краля кака! Зачем она нужна, си-и-и-дит! – Мирониха не стала дальше говорить, положила трубку.

Семёнов и Скворцов отправились на поиски ребят. Красная «Нива» шла тяжело по непролазной грязи, без разбору, собирая все кочки и ямы. Через три дома она скрылась за поворотом и поехала в сторону дороги на озеро. Машину вело по месиву. Ближе к озеру Семёнов начал объезжать мешанину из глины и налетел на солонец. «Нива» стояла на месте, колёса крутились без остановки. Яма становилась всё больше. Скворцов, матерясь, пытался толкать машину.

«Найду, убью гадёныша!» – приговаривал Пётр, отец Вовчика, всё сильнее напирая весом тела на заднюю часть автомобиля.

В Фёдоровку заехал гусеничный трактор Т-170. Ташил он мотоцикл. В начале улицы, возле дома с покосившимся забором и выбитыми окнами, стоял согнувшийся старик. Вовка махнул трактористу, что означало: «Остановись!»

– У кого в деревне есть ветровое стекло на «Урал»? – бойко заговорил Вовчик, обращаясь к старику, словно к приятелю – с напором, твёрдо, как разговаривают мужики.

– Нашёл, что спросить! Погоди, в кармане поищу! – съязвил старик, собираясь идти дальше, куда направлялся. Издали увидев трактор, он любопытно наблюдал за двигавшимся «эскортом». Дедушка зашагал по пустынной улице, опираясь на палку. Избы страшно зияли чернотой пустых окон. От некоторых домов остались лишь одни стены, другие избышки оставались целыми, но в них никто

не жил. Огороды заросли крапивой да лопухами.

Павел удивлённо огляделся по сторонам и заметил рыжего пса, который бродил по развалинам одного из домов. Шерсть на собаке висела лохмотьями. Широкову стало жутко, он увидел умные глаза одинокого животного и поторопился за своими попутчиками.

– Куда мы идём? – с волнением в голосе спросил Павлик.

– До Колывана, – нехотя отозвался Вовчик, увлечённо рассказывая Максу о том, как будет злиться батя, если они в ближайшее время не вернуться в Аксёниху. Ребята пошли через какие-то развалины. Во дворе полуразрушенного дома лежал разный хлам: разбитая стиральная машина «Малютка», поломанные стулья, рваные тряпки.

– Нет здесь никакого стекла! – Павел начал выходить из себя. – Ищем непонятно что!

– Ещё этот Кулибин навязался! – пренебрежительно сказал Вовчик, доставая из пачки сигарету.

– А мне дашь? – Макс попытался вытянуть одну, но Вовчик больно ударил его по руке.

– Ещё раз полезешь, ручонки оборву!

Вовчик зашагал вдоль улицы. Через пару домов он остановился и долго разговаривал с худощавым, невысоким человеком.

– Тащите аккумулятор! – крикнул Вова. На его приказной тон Павлик никак не отреагировал. Макс побежал обратно – к мотоциклу. – Ты не понял? Аккумулятор тащите, заряжать будем!

– Тебе надо, ты и тащи! – грубо отрезал Широков.

Вовчик не ожидал такого резкого ответа. Худощавый человек недобро поглядывал на Павла.

– Чё это за дятел?

– Павлик, – ответил Вовчик.

– Э, Павлик! – дерзко обратился худощавый. – Где такие шмотки брал?

– Он же городской!

– Может, махнёмся, на? Я тебе своё бельишко, а ты мне своё – от Версаче!

Человек с опухшим от выпивки лицом подошёл к Павлу. Мужчине было лет сорок. Он пристально смотрел на Павла.

– Чё дерзишь, на? – обратился пропитый, обдав Широкова резким запахом водки. – Ну, пошёл за аккумулятором!

Человек толкнул Павла так сильно, что Широков едва не упал. Униженный юноша, сжимая от злости кулаки, поплёлся вслед за Максом.

– Больше не огрызайся, на, шнурок! – пригрозил алкоголик. – Ещё раз услышу твой писк – все тряпки фирменные отдашь, а сам голый пойдёшь, урод!

Через десять минут Павлик и Макс принесли аккумулятор. Вовчик немного оживился: повеселел и начал хвастливо рассказывать, как хорошо «бегают» старенький «Урал». Павел понял, что алкоголик – это и есть тот самый Колыван, который может отдать ветровое стекло за бутылку.

– Рано веселитесь, на! – стоя за кривым забором, говорил Колыван. – Электричество дадут в шесть.

– А сейчас сколько? – Вова спросил своим ломаным голоском.

– Без пятнадцати.

Колыван вынес самодельную зарядку для автомобильного аккумулятора. Она представляла собой три провода с лампочкой и блоком питания от ноутбука.

– Где же стекло для мотоцикла? – спросил Павел, поглядывая на Вовчика. Теперь, Широков его не боялся, не переживал, что Вовчик может его ударить или обидеть. Перед Павлом стоял детина, способный лишь заискивать перед сильными и обижать слабых.

– Какое стекло? – не понял Вовчик.

– Вы же сами говорили с Максом: «У Колывана возьмём стекло, отдаст за бутылку...»

– Не ври! – разъярился Вовчик.

– Не было такого! – воскликнул Макс, толкнув Широкова в плечо. – Ты не прикидывайся, Кулибин.

– Не толкай меня! – крикнул Павел и что было сил швырнул Макса на траву.

– Ты чё, Павлик?! – сидя на корточках и периодически сплёвывая, с угрозой сказал Колыван. Из-под грязной и дырчатой рубашки виднелись наколки. – Я же тебе говорил не высовываться!

– Ах, ты так! – к Широкову подбежал Вовчик и ударил его лицом об колено. Всё произошло очень быстро, после сильного удара Павел упал. Из носа потекла кровь.

– Ещё выступает! Разбил мне стекло на мотоцикле, Макс порезался из-за этого говнюка! – продолжал кричать Вовчик.

– Пусть бабки отдаёт или бельишко скидывает, – невозмутимо проговорил Колыван, не поднимаясь с корточек. Широкова раздражало уголовное поведение алкаша, заискивание перед ним Вовчика, раболепное прислужничество Макса.

– Да пошли вы все! – с досадой ответил Павел и зашагал по безлюдной деревне. Через несколько метров Широков остановился и прокричал:

– Я думал, вместе разбили, со-обща и добудем стекло, а вы... сви-ньи вы! Особенно ты, Вова!

– Иди сюда! – Вовчик догнал Широкова и больно пнул его под зад. – Теперь вали!

Колыван и Макс смеялись, раз-давленный Павел, не оборачива-ясь, вытирая рукой окровавленный нос, поплёлся по деревне. Сзади на спортивных штанах виднелся бел-лёсый след от пинка. Не мог Ши-роков отомстить обидчикам, не мог это сделать одному, не говоря о троих. Часто Широков сталки-вался с непониманием, неуважени-ем, но впервые расплакался. Пав-лик никогда не испытывал такого позора, как сейчас. Слёзы обиды перешли в рыдание. Он вышел за деревню и на дороге голосил, от-давшись эмоциям. Павел смотрел на залитое солнцем небо, и сине-ва отвечала ему: «Поплачь, станет легче!»

Позади осталась забытая де-ревня Фёдоровка, с её непривет-ливыми жителями, с развалинами-домами и заросшими огородами. Усталый, измотанный Павел, едва не запинаясь, брёл по грязной до-роге. Новенькие кроссовки, белые от высохшей на них глины, каза-лись бесформенными и потрёпан-ными. Широкову хотелось залезть в свою городскую, с чистым, свет-лым кафелем ванную и помыться. Можно было подойти к озеру, ис-купнуться, но солоноватая, немно-го пахнувшая сероводородом вода казалась Павлику мёртвой. На озе-ре Хорошем утонул Григорий Сте-панович, поэтому Павлик никогда в нём не купался. Когда-то здесь водилась рыба: язь, карась и сазан – настоящее богатство, находка для рыбаков. Но уже года три или четыре в Хорошем пропала рыба, словно её и не было вовсе.

В ложбине стояла красная «Нива». Двое человек крутились возле машины, видимо, пытались вытолкать её из солончака. Один подкладывал что-то под колёса, а второй – то садился за руль, то оставлял салон и громко материл-ся, размахивая жилистыми рука-ми. Наверняка им нужна помощь! Широков хотел подойти к людям, но решил обойти стороной. На се-годня приключений хватит...

Ближе к вечеру со стороны да-лёкого озера потянулись высокие, плотные, перисто-слоистые обла-ка. Жара сменилась невыносимой духотой. В Аксёнихе стоял горь-кий запах полыни.

– Я знаю, хде оне щас! – гово-рила неугомонная Мирониха, пе-реместившаяся из дома Широ-вых на улицу. – Поди, в Фёдоровку поехали.

– Ты же говорила, убились на-смерть... С тобой только время терять, – махнул рукой местный алкоголик Коля Егоров и побрёл прочь неровным шагом. – Всю де-ревню опять переполошила, воду мутишь...

– Праильно, чё со мной гово-реть, я ж не лью святу воду, так ить? – завелась Мирониха. Что-то её задело за живое. – Алкаш!

– Балаболка!

– Что мутишь воду, это все по-нимают! – раздался голос Ольги, которая не ругалась с Миронихой, зная её умение подличать. Семёно-ва за день нагляделась на сплетни-цу и поняла, что её нужно прилюд-но опозорить. – За что ты отыгры-ваешься на Валентине Николаев-не? Делянку вспоминаешь, выко-шенную при царе горохе? Может, и мне теперь подлость сделаешь?! Давай, не медли! Расскажи, будто Мишка мой гуляет! А что?!

– Дак ить с кем?

– Да хоть с тобой же!

Семёнова специально вышла на улицу прекратить болтовню. Раздался дружный смех. Мирониха не знала, чем крыть.

– Ты на всю округу растрясла, что я припадочная! Только ты! Меня теперь увольняют в месяц по три раза! – кричала Лариса Старцева, мать Максима.

– Дак ить...

– Валентину Николаевну теперь со света сживаешь!

– Никого я не сживаю, поди...

– А за мной подглядываешь в окно, если забуду ставню закрыть! – припомнила Семёнова, как Мирониха любит смотреть в окна напротив.

– Тьфу! Людишки... – побрела старуха к своей калитке.

– Вот и шагай, не оглядывайся! – добавила вслед Ольга.

Всю дорогу Анатолий думал о матери. Хотелось вернуться домой и сказать Инге что-то обидное, чтобы задеть её самолюбие, встряхнуть эту ласковую и хитрую женщину. Она стала полновластной хозяйкой его жизни. Толя и опомниться не успел, как начал выполнять любые требования жены, да что там требования – команды! Он, Анатолий Григорьевич Широков – человек неглупый, образованный, работающий на хорошей должности в институте, и вдруг... полностью зависит от мнения жены, от её желаний! Боже, как это всё смешно! С другой стороны, всё, что связано с женой, – это его семья, благополучие! Что нужно человеку, нормальному современному человеку? Конечно, важна семья, устроенность, уверенность в завтрашнем дне, ведь у Толи растёт сын!

Уже открывая дверь в квартиру, Толя всё ещё думал о матери, о сложной жизни и своей семье.

– Ну, как дорога? – спросила Инга, выйдя из комнаты. Она услышала шум в прихожей.

– Нормально, – сухо сказал Толя, поправляя очки.

– Я хочу обратиться к нашим институтским специалистам, – заглядывая в дорожную сумку, проговорила Инга, – дело в том, что у меня появились частые головокружения. Нужно изменить рацион.

– Что с тобой? – удивился Широков.

– Нужно сдать анализы... – женщина говорила отстранённо, словно не мужу.

– Я боюсь за своё здоровье, понимаешь? – с напором сказала Инга, доставая из сумки банку с вареньем. Она долго и немного брезгливо разглядывала содержимое сосуда. Потом, подумав, добавила:

– За наше здоровье... семьи...

«Странно, – подумал Анатолий, – никто даже не говорит, зачем я приволок домой бесполезную пищу!»

Широков ходил по квартире привычным маршрутом как заведённый: переодевался в домашнюю одежду, умывался с дороги, а сам всё слушал Ингу. Жена рассказывала о своих планах. Кроме зелени, овощей и салатов, нужно включить в рацион немного мяса. В понедельник она посоветуется с диетологами в институте питания, подберёт необходимый список продуктов. Нужны молоко, сметана, творог – всё, что раньше и допустить не могла на столе! Оказывается, не у одной Ингригит начались проблемы со здоровьем: кто-то из подруг мучился бесконечными мигренями, начал есть

всё подряд, и боли как рукой сняло. Одна вообще попала на операционный стол: открылась язва. Шутка ли, несколько лет жевать лишь зелёный горошек, баклажаны и фасоль, и никакого майонеза!

– Ингрит, мне нужно с тобой переговорить, – решительно сказал Анатолий, заходя в просторную девятиметровую кухню. – Дело в том, что в Аксёнихе не всё хорошо...

– Как?! – заволновалась Инга, внимательно глядя на мужа. – Что-то случилось с Павлушей?

– Нет, дело не в том, – Анатолий был особенно серьёзен. Он поправлял очки и поглаживал гладко выбритый подбородок. – Меня волнует душевное состояние мамы.

– Что-то произошло с Валентиной Николаевной? – изображая тревогу, спросила Инга.

– Да... вернее, нет... всё хорошо. Дело в другом.

– В чём же?

– Понимаешь, Ингрит, она сильно постарела, сдала. Мама плачет. Я её не видел в таком состоянии никогда. Возможно, наступили старость и сентиментальность, допускаю, но я задумался: неужели придёт день, когда мамы не станет? Боже, как я этого боюсь! А больше всего мне страшно, что тихая вражда между вами так и уйдёт с моей одинокой матерью! Вы не скажете друг другу тёплых слов, не протянете руки навстречу, а глупость и нелепость недомолвок останутся огромным и тяжёлым камнем на душе.

Анатолий говорил нетвёрдым, немного дрожащим голосом. Инга почувствовала, что муж готов расплакаться, и подошла к нему. Они стояли у окна.

– Когда я уезжал, мама передала тебе привет впервые за долгое время, – Анатолий говорил эти слова, а сам корил себя за слабость, сусальность. Он боялся, что его не поймут или сделают вид, что понимают, а сами будут в душе смеяться. – Мне стало легче! Разве я не заслужил понимания, только понимания!

– Господи, да что же это! – заплакала Инга, крепче прижимаясь к груди Анатолия.

– Помнишь, как мы переживали смерть твоей мамы? Это была наша общая скорбь и боль... – говорил Толя, похлопывая жену по спине. – Ответь мне, почему же я теперь как между двумя жерновами? Вы не принимаете друг друга, а страдаю я! В чём я виноват?

Инга не хотела звонить в деревню. Она давно не разговаривала со свекровью и уже не представляла, как отреагирует Валентина Николаевна на неожиданный звонок. От Инги требовалось лишь поднять трубку, кратко поговорить с матерью мужа о какой-нибудь пустяковине, одним словом, проявить участие. Этот трудный шаг был необходим совсем для другого: нельзя сейчас обижать Анатолия. Нужно сделать так, чтобы муж ощутил: его любят, дома прислушиваются к его просьбам. Она должна помочь своему чувствительному мужу ещё и потому, что в НИИ прокатился слушок: будет освобождаться место заведующего кафедрой. Толю могут повысить, это очевидно! Хороший знакомый из управления здравоохранения сделает всё необходимое, чтобы Толя занял неплохую должность! Разве её любимый Толёнок забудет о своей Ингрит?

Ощущение близости перемен говорило ей, что нужно учиться переступать через себя, свои обиды, сделать этот жалкий шагок в сторону свекрови! Пусть скрипя зубами, но надо наладить отношения с Валентиной Николаевной, хотя бы на время...

Валентина Николаевна немного вздремнула, сердце отпустило.

– Как вы себя чувствуете? – беспокоилась Ольга Семёнова, видя, что Широкова открыла глаза.

– Тикают часы... слышишь, Оля? – прислушалась Валентина Николаевна. – Этим часам лет сорок. Они идут до сих пор...

– Не беспокойтесь, – суетливо поправляла подушку Ольга, – вам нужно ещё полежать.

– Твой вернулся? Скворцов с ним уехал?

– Не возвращались ещё, но... с мальчишками всё хорошо! – затопилась с ответом Семёнова.

– Откуда знаешь? – старуха схватилась рукой за соседку и начала тяжело приподниматься.

– Люди говорят...

– Лю-ю-юди... – отмахнулась Широкова.

– Кто жив есь? – раздался голос старухи Ребровой. Дверь открылась, на пороге стояла вторая после Мирониhi сплетница.

– Есь, да не про вашу чесь! – передразнила Ольга.

– Там, кажись, Пашка идёт к деревне. Я от чё хотела сказать! – мялась на пороге Реброва. – Значит, всё хорошо!

– Не надо говорить! – недовольно сказала Семёнова.

– Подожди, – перебила Широкова. – Где идёт?

– От озера, по дороге.

– Откуда знаешь?

– Сказали...

– Не может быть такого! – возмушалась Ольга. – Мужики уехали на Фёдоровку! Не могли они разминуться!

– Ну, как знаете...

Реброва вышла. После её ухода Валентина Николаевна поднялась, у зеркала протёрла носовым платком красные глаза. Не говоря ни слова, старуха накрыла на стол: принесла винегрет, хлеба, нарезала колбасы.

– Я поставила воду на пельмени. Как она закипит, свари, а я пойду – встречу Павлика.

– Валентина Николаевна, вам нельзя нервничать! – сказала Ольга вслед, опасаясь, что старуха начнёт ругать внука.

На улице почти стемнело. Последние отблески красного солнца ещё виднелись на облаках. Аксёниха готовилась ко сну. Изредка откуда-то с краю деревни доносился собачий лай. Поскрипывала дверь сарая, чья-то корова, видимо, запуталась в привязи и тянула дверь. Раздавалось мычание и ругательства хозяина.

Слышался звук сепаратора – отдоились, прогоняют молоко. Через час-другой в Аксёнихе наступит полная тишина, прерываемая стрекотанием кузнечиков. Деревня будет спать, чтобы утром доить коров и выгонять их в половине шестого...

Старуха шла рядом с дорогой. За день месиво подсохло, но даже в галошах мелкая гусиная трава была скользкой. Ближе к выезду Валентина Николаевна заметила далёкий силуэт и решила дальше не ходить. Сердце чувствовало – это Павлик.

– Баба! Ба-а-абу-у-ушка! – закричал Павел, разглядев знакомую фигуру в темноте.

– Павлуша!

Парень подбежал к старухе и обнял её, больно сжимая родные плечи.

– Милая, прости меня!

– Ну всё... всё... перестань...

Валентина Николаевна не спрашивала у внука, где он был, и не стала ругать.

Едва они вернулись в дом, как зазвонил телефон. Мягкий женский голос приветливо произнёс:

– Валентина Николаевна, здравствуйте! Это... Инга...

– Ой! – изумилась старуха. Ей показалось, что Инга сейчас начнёт кричать, требовать во что бы то ни стало отправить внука обратно первым же автобусом, электричкой, чёрт знает чем, но отправить! Возможно, Инга знает о случившемся.

– Как у вас дела? – неуверенно спросила Инга. По её натянуто бодрому голосу чувствовалось, что ей что-то мешало быть более искренней.

– Я... Ой!..

– Послушайте, я была не права... Толя очень переживает наш с вами разлад, он оказался между

двух огней. Не могу смотреть на его мучения... Мы должны вместе с вами его вернуть из депрессии, длящейся годами! – насмелившись, на одном дыхании проговорила Инга.

– А мы ужинать садимся с Павлушей! – весело заговорила Широкова, испытывая счастливое смятение. – Как доехал Толя?

– Мама! Мама! – выхватывая телефон из бабушкиных рук, в трубку кричал Павел. – У нас всё хорошо! Я немного погулял...

Павлик осёкся. Баба Валя искаса посмотрела на внука и сказала в трубку:

– Он поливал огород.

– Пусть хорошо питается, – волновалась Инга. – Топите ему баню хотя бы через день. Пусть ест мясо...

Валентина Николаевна не верила своим ушам. «Ест мясо» – что это? Инга ли говорит?

– Простите меня, Валентина Николаевна!

– Ничего и не было! Я не помню, забудь и ты!